

К ВОПРОСУ ОБ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1922 г.

3. Ш. Мавлютова

Рассмотрен вопрос об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 г. по источникам и литературе. Сделан вывод, что голод 1921–1922 гг. послужил поводом для очередного наступления на церковь, которая была препятствием для установления монополии марксизма в идейно-культурной области.

К моменту окончания Гражданской войны, когда политическая оппозиция была сломлена, В. И. Ленин и его окружение осознают, что основным препятствием для установления монополии марксизма в идейно-культурной области является религия. На словах провозгласив религию частным делом граждан, советское государство с самого начала выступило врагом не только религии, но и всех граждан-верующих, прежде всего священнослужителей. Особенно сильный удар по церкви был нанесен в процессе насильственного изъятия церковных ценностей в 1922 г.

В 1921 г. во всей стране разразился небывалый голод. Русская православная церковь сразу же откликнулась на народное бедствие. В августе 1921 г. патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим и обратился с воззванием «К народам мира и православному человеку», в котором просил о помощи стране, «кормившей многих и ныне умирающей с голоду».

В самой России церковь в короткий срок были собраны значительные средства для передачи их в помощь голодающим. 19 февраля 1922 г. в церковно-приходские общины и советы поступило патриаршее разрешение жертвовать на нужды голодающих: можно было и следовало сдавать драгоценные церковные украшения и предметы, не употреблявшиеся в богослужении.

Набирающее силу православное движение помощи голодающим не входило в политические планы властей. Их решением Всероссийский церковный комитет был закрыт, собранные им средства реквизированы. Развернулась подготовка к кампании по массовому изъятию церковных ценностей.

Советская власть с первых дней своего существования столкнулась с финансовыми трудностями. Согласно отчету Наркомфина, реквизированный банковский капитал в ноябре 1917 г. составлял 1064,3 млн руб. Из этой суммы выплата в 1918 г. Германии по Брестскому мирному договору составила 812,2 млн золотых рублей; 235,5 млн золотых рублей было захвачено и израсходовано адмиралом Колчаком [Русская православная церковь..., 1996. С. 68].

Оказавшись на грани финансовой катастрофы, власть искала источники пополнения бюджета валютой. Трудности сохранялись на протяжении всех лет Гражданской войны. А голод 1921 г. как раз и создал удобный повод к изъятию церковных ценностей. В строго секретном письме В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. В. И. Ленин пишет: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления» [Там же. С. 89]. Из письма видно, что «вождя мировой революции» не заботила проблема помощи голодающим, его интересовало создание фонда в несколько сотен миллионов золотых рублей за счет изъятия церковного имущества. Далее Ленин указывает на то, что официально выступать с какими-либо мероприятиями должен только Калинин и никогда, ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни перед публикой Троцкий [Там же. С. 90].

2 января 1922 г. был опубликован декрет об изъятии музейного имущества. 25 февраля в дополнение к нему было издано постановление ВЦИК о необходимости немедленно изъять «из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать их в органы НКФина со специальным назначением в фонд ЦК ПОМГОЛ» [ГУТОГАТ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 112. Л. 2].

20 марта 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была утверждена инструкция Л. Д. Троцкого об изъятии церковных ценностей. Она была разослана всем губернским комитетам (далее — губком). Согласно этой инструкции в губерниях:

К вопросу об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 г.

- необходимо создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей, в которые должны входить либо секретарь губкома, либо заведующий агитпропотделом, а также комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела;
- наряду с этими секретными подготовительными комиссиями создать официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих комиссий не давал повода для шовинистической агитации;
- провести неделю агитации, для этого подобрать лучших агитаторов, и в частности военных. Агитации придать характер, чуждый всякой борьбы с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим;
- одновременно с этим внести раскол в духовенство, взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия. «Видных попов» не трогать до конца кампании, но негласно, при этом официально (под расписку, через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми;
- наряду с агитационной работой должна идти организационная: подготовить соответствующий аппарат для самого учета и изъятия церковных ценностей. Во время изъятия «коммунисты должны быть на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть поблизости»;
- к учету изъятых ценностей при помголах (комитетах помощи голодающим) допустить в губерниях представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупница церковного имущества не получила другого назначения, кроме помощи голодающим [Русская православная церковь..., 1996. С. 94–96].

Изъятие церковных ценностей началось в середине марта 1922 г. Этому предшествовала тщательная подготовка. Первоначально были организованы комиссии по учету церковного имущества. В их задачу входили: сбор информации о количестве и местонахождении всех церквей, монастырей, мечетей, синагог, костелов; получение описей церковного имущества [ГУТОГАТ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 112. Л. 4]. Затем во всех губернских и уездных городах были созданы комиссии по изъятию церковных ценностей. 19 апреля 1922 г. постановлением губкома РКП была утверждена официальная губернская комиссия по изъятию церковных ценностей в составе: Зыкова (военком, отв. секретарь губкома), Вязова (предгубкома), Студитова (пред. госполитуправления), Юсупова (зав. отд. управления), Евдокимова (зав. отд. управления) [ГУТОГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 253. Л. 9]. Работа губкомиссии по изъятию церковных ценностей широко пропагандировалась. Выпускались листовки, например: «Ко всем гражданам Тюменской губернии» от 19 марта 1922 г. — листовка священнослужителей церквей г. Тюмени, членов губкомиссии о сдаче церковных ценностей для голодающих Поволжья и других мест России [ГУТОГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 302. Л. 2, 3]; «Граждане!» — листовка Тюменской губкомиссии по отделению церкви от государства о пропаганде декрета СНК от 23 января 1918 г. [Там же. Л. 15].

Изъятие в Тюменской губернии заняло четыре месяца. В первую очередь к нему приступили в Тюмени и уездных городах. Оно прошло быстро, в течение апреля: в Тюмени — с 8 апреля по 2 мая, Тобольске — с 7 по 22 апреля, Туринске — с 7 по 29, Березово — с 13 по 15, Сургуте — с 13 по 22, Ишиме — с 26 по 28, Ялуторовске — с 22 по 28 [Чернышов, 1994. С. 73].

Согласно еженедельной сводке Тюменского ГО ГПУ за 5 мая 1922 г. всего ценностей было изъято:

- в Тюмени из восьми церквей, монастыря, синагоги, костела: серебра — 52 пуда 30 фунтов; золота — 5 фунтов и ценных камней — 1609, из них брильянтов — 195;
- в Туринске из двух церквей, польского костела: серебра — 5 пудов 4 фунта 12 золотников;
- в Ишиме из трех церквей, польского костела: серебра — 5 пудов 4 фунта 12 золотников;
- в Обдорске из двух церквей: серебра — 11 пудов 5 фунтов;
- в Березово из двух церквей: серебра — 9 пудов 35 фунтов 73 золотника [Чернышов, 2002. С. 38].

В г. Тобольске в 20 церквях было изъято золота — 1 фунт 67 золотников 6 долей, серебра — 76 пудов 21 фунт 50 золотников 47 долей, ценных камней — 1690 штук, из них бриллиантов — 193 (табл. 1) [ГУТОГАТ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 146. Л. 16].

3. Ш. Мавлютова

Таблица 1

Сведения об изъятии церковных ценностей г. Тобольска, апрель 1922 г.

День месяца	Название церкви	Золото			Серебро				Ценные камни	
		фунты	золотники	доли	пуды	фунты	золотники	доли	Общее количество	Из них бриллианты
19	Петропавловская				1	23	48			
19	Кладбищенская				4	3	9		64	6
11	Успенский собор (летний)		61	72	14	8	75	12	157	100
21	Захарьевская				8	33	56	33	187	87
12	Древнехранилище				3	27	13	11	320	
13	Рощенская					4	3	30	40	
20	Знаменский монастырь				4	32	3		296	
21	Пятницкая				3	27	2	84	21	
22	Благовещенская				4	20	87		2	
19	Архиерейская (домовая)					24	52	36		
12	Покровский зимний собор					39	22	66	17	
13	Никольская				1	12	35		1	
11	Ильинская			48	3	12	31	3	33	
22	Спаская	1	4	78	3	14	27	60	170	
20	Андреевская				2	4	20		36	
20	Богоявленская				4	14	58		7	
21	Рождественская				6		17		237	
29	Архангельская				3	20	35		13	
10	Синагога					2	78		6	
20	Покровская				5	23	48			

Затем изъятие церковных ценностей началось в уездах. Председатель губернской комиссии по изъятию церковных ценностей В. Н. Зыков в телеграмме Тобольской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей рекомендовал «кампанию провести с той же настойчивостью и твердостью, но более осторожно, выделив специально уполномоченных и хорошо проинструктировав их». Тобольский уезд был разбит на пять районов (табл. 2) [ГУТОГАТ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 74. Л. 5–7. Л. 19]. В каждый район назначался уполномоченный, ему выдавался мандат, по предъявлении которого волисполкомы и сельсоветы должны были оказывать ему всяческое содействие, выполнять все его требования, предоставлять средства передвижения. Каждый уполномоченный обязательно сопровождался военными или милиционерами для охраны ценностей [ГУТОГАТ. Ф. 392. Оп. 1. Д. 146. Л. 5, 5 об.].

Таблица 2

Район	Волости	Ф. И. О. уполномоченного
1	Черноковская, Малиновская, Шестовская, Истяцкая, Ашлыкская, Тукузская, Куларовская, Птицкая	Потрах(в)ин
2	Бегишевская, Черемуховская, Дубровная, Загваздинская, Паловская, Карагайская, Саургатская, Вагайская	Фомин
3	Карачинская, Байкаловская, Тоболтуруинская, Сеитовская, Бухарская, Городовая	Глебов
4	Назымская, Кугаевская, Бронниковская, Надцинская, Новосельская, Уватская, Юровская, Демьянская	Волоскитин
5	Тугаловская, Филинская, Батовская, Реполовская, Самаровская, Зенковская, Больше-Кондинская, Мало-Кондинская	Пахомов

В ряде районов страны произошли столкновения между уполномоченными представителями властей и верующими. 15 марта 1922 г. в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии в связи с изъятием церковных ценностей многочисленная толпа напала на милицию и взвод красноармейцев. В тот же день восстали две фабрики. Срочно были вызваны ЧОН и красноармейцы 146-го полка. В итоге — 5 убитых и 15 раненых [Русская православная церковь..., 1996. С. 88]. В ответ на эти события Ленин рекомендовал провести против шуйских мятежников судебный

К вопросу об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 г.

процесс с максимальной быстротой и закончить не иначе как расстрелом большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, так же по возможности — в Москве и других духовных центрах [Там же. С. 91].

Поэтому особенно уделялось внимание отношению различных слоев населения к изъятию церковных ценностей. Еженедельно составлялась сводка Тюменского ГО ГПУ, в которой анализировалась ситуация в губернии. В сводке за 9 апреля сообщалось, что крестьяне до сих пор к этому в большинстве своем относятся плохо, считая изъятие церковного имущества «посягательством на святые храмы», до которого не мог додуматься никто, кроме как коммунисты (северные волости Ялуторовского уезда, Тавдинская, Антроповская Тюменского уезда). Крестьяне села Мальковского Яровской волости говорят: «Коммунисты все забрали, и кроме золота и серебра из церквей им нечего больше брать». Резкое недовольство в отношении изъятия ценностей проявляет население Евсинской волости Ишимского уезда. В Туринском уезде среди крестьян слышатся фразы о том, что золото из церквей голодающим не попадет, его возьмут себе коммунисты. О более сильной и открытой контрреволюционной агитации со стороны крестьян сведений не поступало [Чернышов, 2002. С. 26]. В сводке за 5 мая отмечалось, что крестьяне голодающих районов губернии, а именно Ишимского, Ялуторовского и отчасти Тюменского уезда, к изъятию относятся более сочувственно, крестьяне благополучных районов — отрицательно, частью враждебно. Отношение рабочих остается прежним — пассивным [Там же. С. 40]. Среди священнослужителей есть и контрреволюционно настроенные и лояльные. 21 апреля 1922 г. был арестован священник Пятницкой церкви г. Тобольска, 25 апреля — группа верующих (12 чел.) Затюменской Никольской церкви г. Тюмени [Там же. С. 73]. 3 мая ГО ГПУ арестовало епископа Иринарха, предъявив ему обвинение в дискредитации советской власти и активном противодействии декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих [Там же. С. 41]. В целом отношение населения к конфискации ценностей было неоднозначным: одни поддерживали эту политику, другие были против опустошения церквей, рабочие проявляли пассивность и безразличие, а духовенство высказывало недовольство. А. А. Кононенко справедливо отмечает, что это лишь внешние проявления безбожия, но самым страшным итогом стало, несомненно, унижение достоинства верующих, изменение духовного состояния общества [1992. С. 28].

Итогом реализации закона об изъятии церковных ценностей явились репрессии против церковнослужителей и простых верующих. В течение 1922–1923 гг. были уничтожены 2691 священник, 1962 монаха и 3447 монахинь. В ходе кампании по изъятию церковных ценностей в стране произошло 1414 столкновений [Поспеловский, 1995. С. 103].

Почему очередное наступление на православие оказалось возможным в начале 1922 г.? В. М. Суринов считает, что большевики ждали момента, когда большинство крестьян будет не в состоянии поддерживать духовенство, а то, что такой момент наступит, можно было предположить, так как «длительного применения жестокостей народные массы не выдержат» [1993. С. 62]. А. А. Кононенко отмечает, что большое число церковнослужителей стало жертвами Западно-сибирского крестьянского восстания. Говоря об его итогах, исследователь пришел к выводу: возможности сопротивления большевикам в деревне были исчерпаны [Кононенко, 1992. С. 28]. И. В. Скипина указывает, что одной из причин успокоения народа стал голод, который не только утомлял, но и заставлял поворачиваться к власти, выдававшей хлебные карточки [2000. С. 81].

В результате хорошо продуманной и выполненной кампании государственная власть добилась успеха в нескольких направлениях. Прежде всего, были получены значительные средства не только для помощи голодающим, но и на другие государственные нужды: внешнеполитические, оборонные, на ту же борьбу с церковью. Также важна была возможность, при умелой деятельности соответствующих органов, представить священнослужителей в качестве противников помощи голодающим, т. е. лишить их авторитета, которым они пользовались у верующих. Кроме этого, была удобная возможность расправиться с теми, кто сопротивлялся этим акциям, и не только с духовенством, но и с активными прихожанами. Наконец, власти заставляли верующих участвовать во вскрытии мощей, изъятии священных сосудов, сдирать оклады с икон. Требование прямого участия в надругательстве над святыней приводило к подавлению и разложению личности верующего и могло способствовать превращению его в наиболее активного разрушителя старого мира [Русская православная церковь..., 1996. С. 10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кононенко А. А. Церковь Тобольской (Тюменской) губернии в первые годы Советской власти: Некоторые аспекты истории. (1921–1923 гг.) // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1992. Вып. 4. С. 24–29.

Скипина И. В. Кризис веры как феномен русского национального самосознания 20-х гг. XX века: К историографии проблемы // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2000. Вып. 13. С. 64–87.

Суринов В. М. С пристрастием во имя безверия и бездуховности: По страницам книги «Черные дни русского православия» // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1993. Вып. 5. С. 56–65.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX в. М.: Республика, 1995. 511 с.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы, фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского Ин-та святого апостола, 1996. 352 с.

Чернышов А. В. Агония духовной слепоты // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1994. Вып. 7.

Чернышов А. В. Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению русской православной церкви в Тюменском крае (1921–1945 гг.). 2-е изд., доп. Тюмень: РУТРА, 2002. 160 с.

*Тюменский государственный
нефтегазовый университет*

The article considers a question of confiscating church treasures in Tyumen Guberniya in 1922. Subject to study and analysis being documents kept in state archives, together with monographies and articles on the subject. A conclusion arrived is that the hunger of 1921–1922 served as a pretext for another onslaught on the church staying an obstacle for establishing a monopoly of Marxism in ideology and culture.